

ОТРЯДЫ ВСЕХ ФАКУЛЬТЕТОВ АКТИВНО ВКЛЮЧИЛИСЬ В УБОРКУ УРОЖАЯ

Настроение — бодрое, боевое

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К ИЛОМЕТРАХ в семи от Арамиля, вдоль спокойной Исетки растянулся рабочий поселок Бобровка. Дальний конец его порой еще называют деревней Выхино, но границы между ними уже давно нет — все вместе теперь зовется одинаково Бобровка.

Сюда, в Бобровский совхоз, прибыли 3 сентября студенты факультета журналистики для уборки урожая. Разместились по квартирам по 4—5 человек в дальнем конце поселка, поближе к полям.

Управляющий отделением Кузьма Иванович Захарченко в первый же день обрисовал задание:

— Вам, ребята, надо убрать 70 гектаров картофеля, гектара 3 моркови и 20 гектаров капусты. Сделаете раньше срока — можете ехать домой!

Но легко сказать — сделаете раньше срока. Механизация, на которую надеялись студенты, многого не обещала. Во всяком случае, в первый день лопаты, вилы и ведра были основными орудиями производства.

Прошлый опыт работы на полях не пропал даром. Когда студентам дали вилы для копки картофеля, они не побоялись потратить немного времени, но сделали эти вилы «долговечнее». Своими их в кузницу, обрезают и заостряют.

Так они будут служить дольше — было общее мнение.

Управляющий отделением возражал было, но когда очутился перед фактом, убедился, что работать действительно удобнее, сделал вид, что так и должно быть.

Первый день работы — всегда трудный. И с непривычки, и в «страхе» перед нормой, особенно у первокурсников. Норма такова: в день на человека следовало убирать по 4 сотки картофеля, или при нынешней урожайности — по 300 килограммов на «душ». Последний показатель стал основным.

Хотелось бы написать «студенты дружно взялись за работу», но этого как раз нельзя сказать. То у одной, то у другой бригады не хватало то ведер, то лопат, то контейнеров для картошки. Но во второй половине дня организационные неполадки утряслись, работа пошла своим чередом. К концу дня в огромном картофельном поле появились солидные прогалины — уборка урожая началась.

Из глубины веков

Новыми интересными экспонатами пополнился кабинет археологии нашего университета. Их привезли участники археологических экспедиций, студенты исторического факультета. Например, Свердловский отряд раскопал могильник X—XII веков, где при погребении найдены железные колья, наконечники стрел, ножи, бронзовые подвески в виде уток, широкие браслеты из белого металла с изображением медведей, козлы, серебряные идолы, масса костяных изделий: стрел, копий, мотыг и т. д.

В этом году студенты-историки проходили одновременно и археологическую и этнографическую практики. Они познакомились с различными видами археологических памятников: курганами, селищами, городищами и т. д. Научились исследовать эти памятники в ходе разведок и познакомились с методикой раскопок на них. Одновременно студенты собирали и этнографический материал: легенды, сказки, бытовые вещи XIX века.

Большая часть студентов проходила практику в Тюменской области, по реке Ишим, остальные — в Курганском и Свердловском отрядах.

В. ВИКТОРОВА,
начальник Свердловского отряда.

Ну, а как с нормой? Ее высчитывал сам управляющий отделением. Оказалось, что большинство звеньев справились с нормой, а звенья Анатолия Лосева (IV курс), Юрия Рязанова (III курс), Павла Шинкаренко и Рафаила Бикмухамедова (I курс) перевыполнили ее на 300—500 килограммов. Утром о победителях известила первая «молния», вывешенная в столовой — главной «штаб-квартире», где не только питаются, но и проводят разрядку, дают бригадирам и звеньевым текущие указания.

ДОБРОЕ НАЧАЛО

Лишь один отряд в первый день не имел дела с лопатой — отряд второкурсников. Они разбили на два звена для работы в две смены. Первое звено во главе с Юрием Липатниковым встало за конвейер картофелеуборочного комбайна.

Это слово — уважение к машине, которая так именуется. Агрегат, действительно, выглядит внешне очень солидно и картофель убирает чисто. Но смущает одно: называется комбайн, а на нем 12 человек, да еще сзади с ведром должны идти двое — подбирать выброшенный с конвейера картофель. А чуть закапал дождик — прощай работа!

Но так или иначе, первый день комбайн худо-плохо потрудился две смены, ребята осваивали его добросовестно. Из-под комбайна картофель сразу же увозили на тракторных тележках.

А вывозка картофеля, собранного вручную, началась вечером. Подъемник разгружал контейнеры на самосвал, те везли его на овощехранилище. Всю эту работу по «кантарке» картофеля, как здесь принято выражаться, делают тоже студенты, так что погруженная бригада трудилась до глубокой темноты.

Но эти же люди работали и

днем! Как теперь быть? Такой вопрос об организации труда по новому встал перед командиром отряда Валерианом Бурундуковым. Он посоветовался с бригадирами, студентами. И снова помог опыт прежних лет — организация труда стала совершеннее.

Плохая погода не заставила себя ждать. Уже на следующий день туманы и дожди стали постоянными спутниками в работе, но начало было сделано и уборка продолжается.

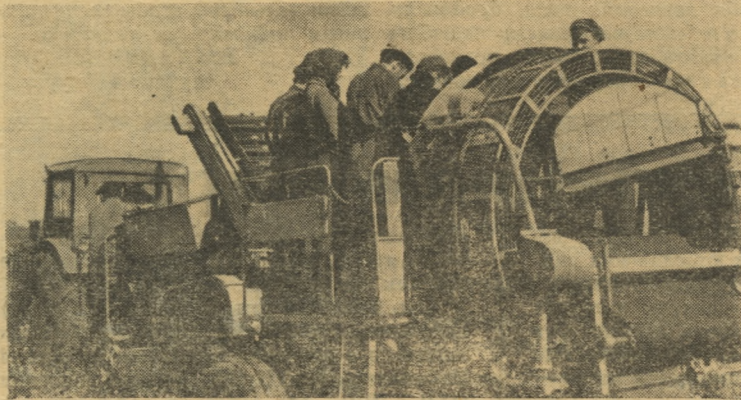
На поля вышли две «мацепуры» (никто пока не выяснил, почему этим странным словом здесь называют картофелекопалки). Они выбрасывали картофель наружу, за ними оставалось только собирать; правда, и норма возросла вдвое, зато пока не нужны вилы и лопаты. Пока... пока земля не стала сплошным месивом.

Так прошли самые первые дни у журналистов на уборке урожая. Вся работа еще впереди, да и трудности тоже. Работники совхоза довольны, что студенты энергично взялись за дело. А ведь иначе они и не могут.

С. ВАСИЛЬЕВ.

На снимке: бригада Ю. Липатникова трудится на картофелеуборочном комбайне.

Фото В. ВОЛКОВА.

На общественных началах

ПОСЛЕ ТРУДОВОГО ДНЯ

кто тянется к знаниям.

Занятия ведут на общественных началах преподаватели и аспиранты экономического факультета. Среди них и известные экономисты профессор В. М. Готлобер, доценты Ф. Ф. Машаев, М. А. Мельников, А. И. Валуев и молодые преподаватели З. Г. Булатова, А. И. Сайко, Ф. И. Мурзин.

И преподавателям, и слушателям, безусловно, нелегко после напряженного трудового дня заниматься в университете. Но если бы вы видели, как чутко, внимательно относятся педаго-

ги к студентам, слышали, с каким воодушевлением рассказывает о работе народного университета его декан П. Л. Елохов.

Не так давно состоялся первый выпуск слушателей народного университета, 41 человек закончил обучение, причем, 11 из них только на «отлично». Среди выпускников: мастера А. С. Козловский и И. Н. Истомин, с отличием окончившие университет, начальник цеха фабрики «Одежда» Е. А. Мещерякова, старший экономист фабрики «Красный обувщик» Т. Н. Шамарова и многие другие.

УРАЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Орган парткома, ректората, комитета ВЛКСМ, месткома и профкома Уральского госуниверситета им. А. М. Горького

Основана в 1933 г.
№ 28 (1171)

ЧЕТВЕРГ,
12 сентября 1963 г.

Цена
1 коп.

Впереди третьекурсники

145 студентов I и II курсов математико-механического факультета трудятся на уборке картофеля в Подгорновском отделении Красноуфимского совхоза.

Первокурсники работают в 1-ой бригаде. Им предстоит убрать картофель с площади 100 гектаров. За 4 дня убрано около 30 гектаров. Все студенты относятся к выполнению задания добросовестно. Одной из лучших является бригада студентов третьего курса.

Хорошо трудится звено, возглавляемое Жанной Коробициной. Оно убирает в день в среднем по 15—16 соток при хорошем качестве. Не отстают и звено Фаины Карлинской.

М. ГОРОДЕНЦЕВ.

Новое в преподавании марксистско-ленинской теории

Теория научного коммунизма является неотъемлемой составной частью марксизма, наряду с марксистско-ленинской философией и политической экономией. Это наука об общих законах возникновения, становления и развития коммунистической формации, о путях и методах завоевания диктатуры пролетариата, построения социализма и коммунизма.

Значение теории научного коммунизма особенно велико сейчас, когда наша страна осуществляет развёрнутое строительство высшей фазы коммунизма. Не случайно поэтому июньский Пленум ЦК КПСС (1963 г.) принял решение о введении курса основ научного коммунизма в высшей школе. Этим самым исправлено ненормальное положение, когда проблемы научного коммунизма излагались «по кусочкам» в курсах исто-

рии КПСС, философии и политической экономии.

Предмет основ научного коммунизма вводится на выпускных курсах всех факультетов и отделений университета в объеме 70 часов. Он призван завершить марксистско-ленинскую подготовку студента в высшей школе.

Естественно, что в основе изучения этого предмета будет лежать новая Программа Коммунистической партии Советского Союза.

По курсу основ научного коммунизма, как и по другим марксистско-ленинским дисциплинам, предусмотрено проведение семинарских занятий (в объеме 28 часов).

Ректорат и ученый совет университета поставили перед Министерством высшего и среднего специального образования вопрос о создании общегосударственной кафедры теории научного коммунизма. До ее создания методическое руководство чтением нового курса возложено на кафедру философии, которая имеет уже некоторый опыт преподавания научного коммунизма. В прошлом учебном году, например, основы научного коммунизма читались на III курсе исторического факультета.

С 1 сентября нового учебного года основы научного коммунизма слушают студенты 5-х курсов гуманитарных факультетов и вечернего отделения экономфака. С конца октября он будет читаться и выпускникам естественных факультетов. Одновременно с введением курса основ научного коммунизма изменен порядок изучения марксистско-ленинских дисциплин в высшей школе. В частности, марксистско-ленинская философия будет теперь изучаться не на IV—V курсах, как было до сих пор, а на II—III курсах.

Л. Н. КОГАН,
доцент кафедры философии.

В. БАШКИРЦЕВА.

Филологическое лето

СИНИЕ ГОРЫ КАВКАЗА

Тихое теплое утро. Пятигорск. Мягко улыбается он.

У каждого человека есть свои, самые любимые места на земле, наиболее отвечающие настрою его души. Для некоторых это степи с потрескавшейся от зноя почвой, или леса с вечерней прохладой, или... деревянные дома в городе за полярным кругом.

А поэт любил Пятигорск. Он поднимался по каменной тропе на Машук. И здесь, наедине с природой, он мог быть самим собой. Поэт видел вдали овечьих легенд Бештау, а внизу — Пятигорск. Он вдыхал запах полыни, растроганно смотрел на цветы и травы. Ветер трепал их. Грусть отражалась на лице поэта. Он был очень одинок, этот человек с дерзким, колючим взглядом, ненавидевший пустоту салонов, никчемность их гостей.

А там, внизу, у подножия горы, он был убит...

Ушли годы... В домике у подножия Машука — музей. Маленькая комната с серыми обоями. Последние творческая лаборатория поэта. Невдалеке дом генерала Верзилина, где часто бывал поэт. Теперь в нем литературная экспозиция музея. Сотрудники трепетно хранят память о М. Ю. Лермонтове. В музее богатейшие фонды, дары профессора Семенова и Саркисова-Серазими. Это и было нашей обителью. Мы целыми днями «вздвигались» в древнейшие материалы о Лермонтове. В этой тужелой комнате началась моя работа над дипломом.

Но... Выйдем из музея. Пройдем по улицам как будто созданного из полутонов города. В парке, на возвышенности — памятник М. Ю. Лермонтову работы скульптора Опекушина. Поэт задумчив. Его взгляд обращен на горы. В нем и грусть, и усталость, и едва пробивающаяся слабая улыбка. Рассказывают, что скульптор мучительно искал место для памятника. Он исходил весь Пятигорск. Не спал ночей. Не знал покоя. И вот поэт смотрит на горы, синие горы Кавказа. В них — душа его.

О. ЛУШНИКОВА,
студентка V курса.

Лето... Серьезные научные экспедиции и путешествия «дикарей». Архивные, пионерские, диалектологические и фольклорные практики... Москва и Саяны, Ленинград и Пятигорск... Кинофестиваль, выставки, туристские походы... Словом — филологическое лето.

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

5 июля. Вот он, Ленинград! Мы только что с вокзала. Пять утра. Нас встречает опромное, с полнеба, летнее северное солнце. Мчимся по городу, о котором мечтали. Вон Адмиралтейская игла, величественный купол Исаакиевского, а вот и Зимний и такая родная Пушкинская площадь. А когда машина мчится по Университетской набережной, по набережной Невы, чувствуешь себя большой освобожденной птицей...

9 июля. Мы — не экскурсоводы. Мы — в архив. Архив Института русской литературы — крупнейшего научного центра литературной мысли. Здесь работают Мейлах, Пруцков, Измайлов — те, которых мы знаем по монографиям. Иначе институт называется еще Пушкинским домом. Почему? Потому что он обладает монопольным правом на хранение рукописей Пушкина. Здесь собрано все, что когда-либо вышло из-под пера его. А как любят здесь Пушкина! Хранилище его рукописей — святыня.

Ты помнишь его автографы на страницах полного собрания сочинений? Беспорядочные, перечеркнутые строчки, с оригинальными рисунками профилей, фигурок? Так вот, это самые читабельные страницы, остальное — китайская грамота. Сколько трудов положили ученые, чтобы расшифровать его тексты! Завер-

шена работа над архивами Лермонтова, Герцена, Салтыкова-Щедрина, Крылова, Достоевского. Материалы разобраны, научно описаны. Но сколько еще неисследованного, даже неразобранного в фондах института.

Мы разбираем архивы С. А. Венгеров. Его ты знаешь только как первого издателя полного собрания сочинений Белинского. А ведь о нем надо знать больше. Это очень интересный человек. Он был профессором Петербургского университета и много дал нам в исследовании литературы XIX века.

Вот перед нами большая коробка, в которой находятся рукописи. Все перепутано, все по листочкам, так, как осталось на рабочем столе и в ящиках после смерти Венгеров. Наша задача — разобрать написанное, сличить с опубликованными материалами, установить редакцию рукописи и, конечно, найти неопубликованное. И найдем. Я уверена.

20 июля. Нашли! С. А. Венгеров «От Белинского до наших дней». Очерк в 170 машинописных листов — история целой литературной эпохи. На рукописи дата — 1920 год. Автор не успел сдать ее в печать (1920 — год его смерти).

Нашли! Чувствуем себя первооткрывателями.

П. ПОПОВА,
студентка V курса.

ПЕРЕВАЛЫ, тропы, потоки, заросли. Туристы ахают, охают, пешком и на машинах движутся к морю. А мы наоборот: от моря — в горы.

— Эй вы, дураки! — кричат нам иногда.

Но мы вовсе не дураки. Мы — дикие туристы, самодеятельные, в общем — «дикари». Да к тому же за горами, за карачаевскими кошарами, за Черкессией, там, где Кубань только-только встретилась со степями, стоят наши хаты и наши сады. Три перевала из пяти мы прошли по заброшенным до-

ГОРНАЯ ИДИЛЛИЯ

военным тропам. Кабаны, зубры, туры, мороженое из сгущенки и зернистого снега вершин — все принималось крупными порциями. Нам было хорошо без этой путевой туристической публики, которая три недели громко фарширует себя восторгами. Мы их презирали. Им не дано чувствовать себя хозяевами троп, бродягами. Чтобы по-настоящему полюбить и понять горы, нужно почувствовать себя однажды их давнишним

В июне в поисках южно-самодийского (камассинского) языкового слоя в топонимике Красноярского края отряд севернорусской топонимической экспедиции находился в предгорьях Саян. Экспедиция прошла успешно. Удалось даже найти последнего камассинца, который помнит еще свой язык.

На снимке: отряд экспедиции в пути.
Фото П. АШУКА.

жителем, будто бы и родился здесь. Тогда, если захочется, легко вспоминаются запахи скал и деревьев, мокрая свежая пыль водопадов, вкус горных рек и их цвета: бело-зеленые в ясное небо и желтые, темные в дожди. Когда пройдут грозы в горах и спадет мутная вода, эти реки оставят на перекатах у прибрежных степных станиц изжеванные стволы дубов и лиственниц. Иногда люди беспокоятся, потому что во время большой воды реки могут менять русла. Горы есть горы.

Нас было то трое, то пятеро — по-разному. А горы мы полюбили давно. Каждый год, когда надоедало объедаться абрикосами и помидорами, когда поемножко становилось дома скучно, мы собирались и уходили в горы. Мы редко сидели на месте и делали порядочные переходы. Но все-таки жизнь в горах свободна и ленива. Эту память о туристской жизни бережешь целый год, чтобы следующим летом подновить ее немножко.

В. СТАДНИЧЕНКО,
студент IV курса.

Топонимисты на Севере

В этом году в Архангельскую область, на территории которой мы уже не первый год собираем топонимический материал, двинулась целая «армия» — 17 человек. Уже в вагоне решаем: помимо работы, строго осуществляя два мероприятия — вести дневник и делать зарядку.

Благополучно добрались до Котласа и двинулись по своему маршруту. И вот результаты: большой, интересный топонимический и лексический материал. Узнали мы и кое-что из истории деревень, которые посетили. Ценными и увлекательными были беседы со старожилами.

Суровая природа севера не очень приветлива, но нас согревали душевная щедрость, простота и гостеприимство северян. Во всех деревнях мы встречали теплый прием и помощь населения. Эту помощь приходилось особенно ценить в конце экспедиции, когда мы, мягко говоря, «обанкротились». Покидая Север, мы увозили с собой приятные воспоминания и новые адреса.

З. МЕРКУЛОВА,
А. ПАНТЕЛЕЕВА,
студентки V курса.

А мы — экскурсоводы

И будь благословенно, Подмосковье, распахнутое в лиственных лесах. Ты для меня впервые, как дно морское...

...Подмосковье. Бродил по нему большую часть июля и начало августа. Среди невысоких холмов стоит музей Ф. И. Тютчева и Е. А. Баратынского — дом поэтов.

«Все отнял у меня казнящий бог,
Здоровье, силу воли, воздух,
И лишь тебя при мне оставил он,
Чтоб я ему еще молиться мог», — писал Ф. И. Тютчев.

И молились. Особенно на него. Подмосковные прозы, леса удачно подражают голосу его стихов.

Со всего Союза идут к поэтам, едут из-за границы. А мы — экскурсоводы. Тычем палочками в портреты родни четвертого колена. С умильными вздохами взирают посетители на стол, за которым обедала чуть ли не половина всех знаменитых русских литераторов 19 века.

— Ах, Тютчев! — Сладко прикрываются веки интеллигентной старушки, на лице ее благоговение.

Говорит Тютчев! Пафос непотворимой лирики! И бледнеет лицо юноши, стоящего поодаль. А я проводник от Тютчева к нему. Я включаю и выключаю источник. Это почти творчество. И мы с юношей согласны!

В. КОЧКАРЕНКО,
студент V курса.

Приобщен к настроениям мира

Июль взбудоражил и без того беспокойную Москву. Забыв о Черном море, метались в поисках билетов на кинофестиваль взмыленные отпускники, возле гостицы «Москва» могучая толпа стойко колыхалась шесть часов, чтобы потом шесть минут приветственно покричать при выходе киноактеров, ежевечерне стеклянный кубок Дворца съездов наливался серебристо-зеленым светом, заполнялся людьми и далеко-далеко был виден — весь откровенно прозрачный, манищий, сказочный.

Милая Москва... Она была похожа на взбудораженную молодую девушку, которая шагнула в юность: она и слишком непосредственна, чтобы скрыть радостное волнение, и слишком прелестна, молода, чтобы сдерживать порывы: она радостно бурлила, громко дискутировала, удивлялась, возмущалась, впитывала в себя разноречивые гулы — милая, чуткая Москва. Она оказалась хорошей хозяйкой: предоставила кинофестивалю лучшие кинотеатры и дворцы — Дворец съездов, дворец спорта, кинотеатры «Россия» и «Космос». Она ни разу не нахмурилась дождем или холодом, она пахла розами, наполнилась улыбками, дружбой, искусством.

В первую половину дня она открывала для меня свои архивные тайны. Письма Белинского и Блока, рукописи Есенина, Чехова, Фадеева (Центральный литературный музей), архивы Пудовкина, Дзиги Вертова (ЦГАЛИ). Или дом-музей Чехова на Садово-Кудринской. Ухожу в классику, в Чехова, ухожу в него элегантною норвежку из Осло, учителей-экскурсантов

из Киева, трех любопытных быстрых девушек-японок, милейших югославских учителей — преподавателей русского языка.

Выхожу из классики — вихрем налетает кинофестиваль. Надо успеть просмотреть конкурсные и лучшие внеконкурсные фильмы. С трех до одиннадцати часов — три, четыре кинофильма.

Я бы назвала этот кинофестиваль, проходивший под лозунгом «За гуманизм киноискусства, за мир и дружбу между народами», праздником откровения: 63 страны (небывалое количество для кинофестивалей!) принесли свои раздумья, свои трагедии. Художники несли осмысленные последние трагедии своих стран и народов («Нюрнбергский процесс» — США, «Имя смерти» — Англия) — Чехословакия, «Голый среди волков» — ГДР, «Камни Хиросимы» — Япония и другие), раскрывали трагедию своего киноискусства, зашедшего в тихую гавань пошлых красотостей, слащавых мелодрам («Те, кто идет на риск» — Австрия, «Знаменитые истории Франции» — Франция). И, наконец, несли на кинофестиваль трагедию своих талантливых художников. Италия принесла трагедию Феллини, его скорбный мятущийся мир, его исключенные «Восемь с половиной» — этот крик большого сознания, мучительное откровение ослабевшей, некогда мужественной, но остановившейся на отрицании мысли.

Итак, главное, что я вынесла из кинофестиваля, что только большие идеи рождает большое чувство, что обязательным условием роста таланта является правильное направление, общественный пафос, что

киноискусство социалистических стран — самое яркое, перспективное и действенное, так как оно идейно.

Это доказали пять медалей (из семи), полученных странами социалистического лагеря, это доказали фильмы растущей кинематографии Кубы, Индии, Мексики, ОАР, ДРВ, это доказали эффективные и пустые фильмы-боевики США и Англии, представленные на конкурс («Великий побег» США, «Сэмми отправляется на юг» Англии), это доказал Феллини, это доказали аплодисменты, которыми встретил зал слова героя вьетнамского фильма о свободе: справа — хлопал Джон из Вашингтона, недавно окончивший колледж и приехавший туристом к нам, впереди хлопала английская пара, постоянно дискутировавшая с нами, слева — студент-архитектор, араб Джайбар, сын багдадского промышленника. На уговоры уйти с другого слабого фильма ДРВ сын капиталиста ответил: «Ну, и что ж, что слабый! Но ведь он о революции!».

...Встречи... дискуссии... Слежу за восприятием фильмов своими соседями-иностранными, беседую с ними об искусстве, революции, о Кеннеди и о любви.

Приобщен к настроениям мира... Но устаешь... Еле добираться до МГУ. Но не тут-то было: попадаешь в разгар митинга солидарности с курдами. Черные, белые лица... черные, белые руки... черные, белые пальцы, переплетенные в один кулак.

А на завтра... Чехов... экскурсии... фильмы... Июль будоражит и без того беспокойную Москву.

Л. РЕЗНИК,
студентка V курса.